

ВИЗИТЪ.

В И З И Т Ъ.

— Принимають?—спросилъ, увѣренный услышать да, Латавскій у открывшей дверь на его звонокъ румяно-спокойной горничной, встопки Эльзы.

И вошелъ въ переднюю, гдѣ послѣ его звонка ружью быстро-прибѣжавшей Эльзы было повернуто бронзовый выключатель и возмужала электрическая лампочка въ голубоватого стекла тю.панѣ.

— Генеральша дома—отвѣчала Эльза, ставившая съ молодого человека мѣховое пальто.—Примуть. Только онъ въ слезахъ. И въ сборахъ.

Латавскій прилаживалъ передъ зеркаломъ жидковатые волосы на начинающей лысѣ головѣ. Кстати любовался своимъ холоднымъ, холемымъ лицомъ, на которомъ носъ былъ тонокъ и прямъ, губы алы, брови черны, глаза холодны и остры. Это лицо казалось ему красивымъ. Дамы холоднаго города въ этомъ были съ нимъ согласны.

Онъ улыбнулся на слова Эльзы, и спросилъ негромко:

— О чемъ слезы? И куда сборы?

— Насчетъ генерала огорчаются, — отвѣчала Эльза. — Собираются вечеромъ нынче ѣхать въ армию.

— Въ чемъ дѣло? — тревожно спросилъ Латанскій. У него были расчеты провести этотъ вечеръ вмѣстѣ съ молодою генеральшею, Евгешей Петровною. Потому онъ и зашелъ днемъ въ этотъ праздничный день, хотъ былъ здѣсь только вчера, въ первый день Рождества.

— Генераль раненъ, — сказала Эльза. — Сегодня пришло письмо.

Открыла дверь въ гостиную. Латанскій взглянулъ на нее, хотѣлъ потрогать ее за подбородокъ, чтобы полюбоваться тѣмъ, какъ вспыхнетъ непорочная Эльза, но раздумалъ, увидѣвъ въ Эльзинныхъ глазахъ слезинки. Спросилъ:

— Кого же тебѣ жалко, генерала или генеральшу?

— Все утро барыня плачетъ, глядѣть жалко, — сказала Эльза, и пошла докладывать.

Латанскій пожалъ плечами.

«Чудить Евгения Петровна — думалъ онъ досадливо. — Мужа не любить, въ меня влюблена, о чемъ плакать, не понимаю».

Нетерпѣливо ходилъ по гостиной, гдѣ стѣны, ковры и мебель были въ сѣроваго-жемчужныхъ и блекло-розовыхъ тонахъ, и невнимательно поглядывалъ на картины и портреты. Досадливо думалъ, что придется долго ждать, пока Евгения будетъ уничтожать слѣды пролитыхъ ею слезъ. Но ждать пришлось не долго. Въ соседней комнатѣ послышались легкие, быстрые шаги. Латанскій едва успѣлъ согнать съ лица гримасу скуки и нетерпѣнія и сдѣлать изъ своихъ прямо-разрѣзанныхъ губъ улыбающееся подобие готоваго втянуться тугого лука, алтѣющаго на этой тетивѣ.

Молодая, красивая и заплаканная вышла Евгения. Протянула Латавскому руку, и заговорила:

— Можно ли было этого ожидать? Ранены! И тяжело! Начальник дивизии,—и ранены как прапорщик! Какая отчаянная храбрость!

— Милая Женечка, — говорил Латавский, цѣлуя ей руки, — успокойтесь, не плачьте. Вашъ мужъ — доблестный воинъ, онъ не жалѣетъ своей жизни, но вѣдь ваши слезы ему не помогутъ, и не упадутъ на его раны цѣлебнымъ бальзамомъ.

— Я все утро плачу, — сказала она жалующимся голосомъ.

И опять заплакала. Латавский говорилъ ласково, но уже слегка нетерпѣливо:

— Женя милая, но вѣдь я съ вами. Я васъ люблю, я васъ не оставляю.

Евгения глянула на него, на секунду отнявъ отъ глазъ платокъ. Ея заплаканные глаза блеснули остро и зло. Латавскому стало досадно, что она плачетъ при немъ, не заботясь о томъ, что отъ слезъ краснѣютъ щеки и некрасивымъ дѣлается лицо.

Евгения сказала:

— Да, вижу, вы не на воинѣ. Васъ еще не призвали.

Латавскому стало весело, какъ всегда при мысли, что ему-то не придется лежать въ холодныхъ окопахъ, что жизни его не угрожаетъ никакая опасность.

— И не призовутъ, — весело сказалъ онъ. — Къ счастью, я занимаю такое мѣсто, которое меня освобождаетъ.

Приятная теплота разлилась по всему его облеченному въ элегантный костюмъ, тѣлу. Такъ приятно знать, что ничто не нарушитъ милыхъ привычекъ удобной жизни.

Евгения, шурша белым шелком платья, подошла к окну. Смотрела рассеянно на людную улицу. Скакала тихо:

— Какой он отвальный! Я сегодня к нему йду. Он в госпиталь в ... Завтра я его увижу. Как я, взгляну ему в глаза!

— Жень, что вы говорите?— с удивлением воскликнул Латавский.

— В его сѣрых глазах мелькнуло что-то, похожее на испуг.

Евгения посмотрела на него внимательно, и заговорила тихо, и голос ее слегка дрожал, точно от страха:

— Послушайте, Николай Сергѣевич, а что, если он знает? Если он знает, что я дѣлала? Если он нарочно? Если он искал смерти?

Латавский улыбнулся. На его холодном лицѣ появилось выражение самодовольства, противное теперь для Евгении. Его лицо точно лакомъ покрылось. Он говорил:

— Что вы придумали, Женечка? Спокойный, рассудительный генераль и вдруг... Нѣтъ, он слишком преданъ своей службѣ, чтобы придавать такое значение дѣламъ любви. Слишкомъ служака, чтобы рисковать собою безъ надобности. Если он раненъ, значит, это такъ случилось, безъ всякой вашей вины. Несчастная случайность, которая на войнѣ можетъ постигнуть всякаго военного.

Евгения смотрела на Латавскаго холодными, чужими глазами. Внимательно разглядывала такія знакомыя черты холоднаго, красиваго лица. Вдругъ сама себя удивилась. Гдѣ же очарование этого лица? Этого чело-

вѣка она любить? Для него она уже готова была изменить своему отважному, доблестному мужу? Неужели это такъ?

Она тихо говорила:

— Мой доблестный мужъ! Онъ—герой!

И слова ея словно заражали ея душу очарованіемъ доблестью мужа и влюбленностью въ него.

Латанскій сказалъ холодно и насмѣшливо:

— Женечка, не влюбитесь въ него опять.

— Онъ достоинъ, чтобы его любила женщина лучше меня,—тихо и задумчиво говорила Евгения,—чине меня благороднѣе. Да я сегодня же побѣду къ нему.

Латанскій пожалъ плечами. Но, вспомнивъ свои сегодняшнія надежды, сдѣлалъ себя вѣжливѣе, насколько могъ и сказалъ:

— Я понимаю ваше побужденіе ѣхать къ нему,—это трогательно и очень прилично. Поѣжайте, но помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который преданно и неизмѣнно любитъ васъ. И, по-тому, лучше вамъ ѣхать завтра. Сегодняшній вечеръ подарите мнѣ. Объ этомъ просить васъ я и прѣбжалъ.

Евгения молчала. Стояла передъ Латанскимъ, опустивъ глаза. Уже не плакала. Ея тонкія пальчики мали маленькій кружевной платокъ. Потому она вздохнула и сказала:

— Что же мы стоимъ! Сядемте.

Сѣла на диванъ. Заговорила о постороннемъ. Латанскій ходилъ по комнатѣ. Смутныя желанія томилъ его.

«Нѣтъ,—думалъ онъ,—сегодня я не пущу ее уѣхать. Необходимо ее удержать. Иначе весь мой день будетъ испорченъ».

— Женечка,—сказалъ онъ,—сегодня вы очень милы. Слезы идутъ къ вамъ такъ же, какъ и смѣхъ. Я да-

же и не подозревали, какъ вы можете быть очаровательны, когда плачете.

Онъ говорилъ не то, что думалъ, но ему хотѣлось лестно вызвать улыбку на милыхъ Женныхъ губахъ.

Евгенія слабо улыбнулась. И сейчасъ же погасла улыбка.

— Не говорите мнѣ этого! — тихо сказала она.

Латанскій сѣлъ рядомъ съ нею. Она боязливо глянула на него. Глаза его, холодные глаза благополучнаго чиновника, зажглись. Онъ быстро обнялъ Евгенію, и поцѣловалъ ее въ щеку.

Евгенія вдрогнула, порывисто вскочила, закричала:

— Я ненавижу васъ! Если онъ умретъ, я васъ убью. И выбѣжала изъ комнаты.

Такъ быстро все это произошло, что Латанскій не успѣлъ даже встать. Онъ сидѣлъ на диванѣ, и растерянно глядѣлъ на дверь, за которою открылась Евгенія. Ни одна фраза не складывалась въ его мозгу, словно вдругъ обескровленномъ.

Вошла Эльза. Глянула на Латанскаго сердитыми глазами преданной господамъ служанки, потупилась и сказала:

— Барыня извиняется, у нихъ очень голова разболѣлась. Легли отдохнуть.

Латанскій нахмурился и выпшелъ. Онъ чувствовалъ, что эта недавняя связь порвалась навсегда. Поэтому онъ старался внушить самому себѣ, что Евгенія уже начала надѣдать ему.

Плохое утѣшеніе! «Плохой конецъ благихъ минутъ!»

А Евгенія, у себя завершись, плакала и поцѣловала послѣдній портретъ своего мужа. И плакала и раскаивалась, и давала себѣ клятвы никогда, никогда не измѣнять мужу. И потомъ молилась долго, чтобы мужъ остался живъ.